

І. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470) «18/19»

В.П. Бойко

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТА А.В. ПОДЖИО В СИБИРИ

Рассматриваются вопросы, связанные с предпринимательством декабристов в Сибири. На примере видного декабриста А.В. Поджио показаны причины, заставлявшие декабристов вкладывать свои небольшие капиталы в поиски и добычу золота, методы организации золотопромышленных товариществ, реальные результаты их деятельности. Неудачи декабристов в предпринимательстве в Сибири связаны с отсутствием опыта работы в этой сфере, небольшими запасными капиталами и высокими моральными принципами, мешавшими им достигать успеха.

Ключевые слова: история, Сибирь, А.В. Поджио, золотопромышленность.

Известный декабрист Александр Викторович Поджио родился в 1798 г. на юге России в городе Николаеве. Отец – итальянец Виктор Яковлевич (Витторио Амадео) Поджио, выслужившийся из подлекарей (фельдшеров) секунд-майор, занимался в отставке предпринимательством. Мать – Магдалина Осиповна Даде; за матерью в с. Яновке Чигиринского уезда Киевской губ. числилось 398 душ крепостных крестьян, заложенных в Государственном банке. Воспитывался А.В. Поджио в Одесском училище, до вступления в службу находился дома. На службу вступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1814 г. и за 8 лет дослужился до майора в Днепровском пехотном полку, уйдя в отставку 31 марта 1823 г. подполковником.

А.В. Поджио состоял членом Южного общества, куда вступил в 1823 г. В конце 1825 г. он был арестован в своем имении Яновка, и в январе 1826 г. доставлен в Петропавловскую крепость. Осужден по I разряду к смертной казни, но по конфирмации (утверждении приговора) приговорен в каторжную работу вечно, которую затем сократили до 15 лет. При отправлении в Сибирь был составлен словесный портрет А.В. Поджио: рост 2 аршина 7 вершков (173 см), «лицом бел, чист, волосом черн, глаза желто-карие, нос продолговат с горбиною». После отбытия срока каторжных работ по указу от 10 июля 1839 г. он был обращен на поселение в селе Усть-Куда Иркутской губ. В 1841 и 1849 гг. лечился на Тункинских минеральных водах. После амнистии в 1856 г., когда Поджио был восстановлен в правах, он остался на некоторое время в Сибири и неудачно занимался поиском золота. В мае 1859 г. выехал вместе с семьей из Иркутска в Псковскую губ., где поселился у своего племянника Александра Иосифовича Поджио в селе Знаменском Торопецкого уезда. Из-за конфликта с племянником

Поджио выезжает из Знаменского в декабре 1859 г. и поступает на службу управляющим имением своего иркутского знакомого К.Я. Дарагана, а затем управлял имением сына Е.С. Волконской от Д.В. Молчанова в Дмитровском уезде Московской губернии, некоторое время жил в имении Волконских в с. Воронки Черниговской губернии, а позже жил с семьей в Швейцарии и Италии. Встречался в Женеве с А.И. Герценом. В 1873 г. вернулся в Россию в имение декабриста С.Г. Волконского – Воронки, где и умер [1. С. 144–145]. Таковы краткие биографические сведения об этом незаурядном человеке. Наше внимание привлекла предпринимательская деятельность А.В. Поджио в Сибири по поиску и добыче золота, которая отражена в его переписке со многими лицами, а также в некоторых воспоминаниях.

Как известно, в 30–40-х гг. XIX в. в Сибири распространилась так называемая золотая лихорадка, т.е. массовое увлечение поисками и добычей россыпного золота, которое некоторым добытчикам позволяло мгновенно обогащаться. Находившиеся в ссылке декабристы по-разному отнеслись к этому явлению. Некоторые, как Н.В. Басаргин и Д.И. Завалишин, отрицательно оценивали добычу в Сибири золота, так как она, по их мнению, отвлекала немногочисленные капиталы и рабочие руки от промыслов и промышленности. Другие, как Н.И. Бестужев и П.А. Муханов, поняли и оценили положительное влияние золотопромышленности на развитие края – для предпринимчивого человека, да еще и с капиталами, открывалось широкое поле деятельности в этой отрасли. Кроме этого, золотые прииски вызвали развитие хлебопашества и скотоводства, так как требовали большого количества хлеба, мяса и многих других продуктов и товаров. Третьи декабристы сами не

упустили возможность попробовать свои силы в разведке и добыче золота. К ним можно отнести А.В. Поджио и А.И. Якубовича, которые, как они сами говорили, в поисках золота «шлялись по тайгам», истратив там свои небольшие капиталы без особого толка. Многие из декабристов мечтали о предпринимательстве в золотопромышленности, но не рискнули этим заняться.

Для тех, кто все-таки решил заняться разведкой и добычей золота, главной целью было обеспечение своей экономической независимости и добыча средств для своих родившихся в Сибири детей. Одним из них был уже упомянутый А.В. Поджио, который в 1851 г. женился на классной даме Иркутского девичьего института Ларисе Андреевне Смирновой. В 1854 г. у них родилась дочь Варвара, которую 56-летний отец боготворил. Поэтому, когда 26 августа 1856 г. ссыльным декабристам была дарована полная амнистия, Поджио на некоторое время остался в Сибири, чтобы вернуться на родину обеспеченным человеком [2. С. 76]. Рассмотрим эту историю подробно на материалах писем декабристов. Ценность их состоит еще и в том, что они доносят до нас волнения и переживания неудачливых золотопромышленников, их планы и мечты, сведения о положении рабочих на приисках, их заработной плате, заболеваемости и смертности, по сравнению с Европейской Россией [3. С. 63].

Заниматься предпринимательством декабристам в ссылке было законом запрещено, но они находили для этого обходные пути. Так, для поиска золота в 1853 г. была составлена компания в составе С.П. Трубецкого, Н.Д. Свербеева, А.В. Поджио и племянника последнего – А.И. Поджио, старшего сына Иосифа Поджио, видного декабриста, к тому времени умершего в ссылке. Делами руководил дядя, а представительские функции выполнял племянник. В письме к С.П. Трубецкому от 23 ноября 1854 г. Поджио пишет, что работы на прииске в июне скоро «съедят весь капитал», так как племянник имел неловкость купить на его деньги какую-то недвижимость. Только купец Рукавишников сможет, по мнению автора письма, выпутать его из дела в отношении заемного векселя. Порадовал только самородок ценой в 250 рублей серебром [3. С. 160]. В письме к И.И. Пущину в начале августа 1855 г. А.В. Поджио сообщает: «Золотое дело мое довольно хорошо, но надо добиться до возможной положительности до начинания работ – поэтому завтра я вторично еду на прииск и постараюсь, как Наполеон, все привести в ясность. Между тем деньги льются – поездка моя многое объяснит» [3. С. 163].

В письме к С.Г. Волконскому от 8 декабря 1856 г. Поджио сообщает: «У меня безденежье, вынудившее меня отказаться от ваших саней. Вообразите, что из миллиона рублей, который должен быть вложен в этот край, Барнаул дал лишь мертвые расписки, их нужно оживлять в Петербурге... Какой застой в делах и сколько невыполненных обещаний. Я поддерживаю себя кредитом и даю делам идти потихоньку в ожидании денег» [3. С. 170]. Дело в том, что за сданное в казну в Барнауле золото и серебро выдавались квитанции, деньги по которым можно было получить в Петербурге. На это уходило несколько месяцев, что тормозило деловую жизнь Сибири. В другом письме к Е.И. Якушкину примерно в это же время А.В. Поджио уточняет: «Посылаю вам 25 рублей, не имея более кредита на этот час; пуд наш засел, и я вовсе без денег». Из этого можно понять, что на прииске, принадлежавшем компании золотопромышленников, за сезон добывали около пуда (16,38 кг) золота. Вскоре на имя Поджио пришел перевод на 12 тыс. рублей от П.А. Горбунова, бывшего губернатора Вани Трубецкого, ставшего потом доверенным лицом этой компании. Таким образом, сведения о неудачливости декабристов в предпринимательстве были сильно преувеличены – лучше сказать, что они шли с переменным успехом и на первых порах приносили неплохие дивиденды.

Прииск, где добывали около пуда золота, был по тем временам вполне благополучным и эффективным. Однако надеяться на успех можно было только под наблюдением хозяина. А.В. Поджио это понимал и выехал на прииск Элихту в марте 1857 г. вместе с женой и дочерью. Вот как он описывает в письме к С.П. Трубецкому условия своей жизни: «Тасяжные кочки, нырки, пропасти преодолены, все недуги переиспытаны. Жена и Варя в особенности очень занемогли, а теперь мы начинаем свыкаться с тунгусским солнцем и с нашей лачугой, в которой никак не могу довести ночью температуру выше 7 градусов! Пол без наката, везде щели, кошмы, ковры даже не в помощь против ежедневной бурной погоды... Я бы калифорнцев сюда заслал только на один апрель. Блестящего до сих пор ничего не ожидаю – внизу разведки не оправдали всех ожиданий... Поисковая партия действовала до сих пор безуспешно, но 3-го дня неприятель показался в благонадежном количестве, я усилил преследование и он окружен» [3. С. 193]. Хотя по молодости лет Поджио, в отличие от Трубецкого, не воевал в Отечественную войну 1812 года, но был хорошим офицером и шутиливо прибега к профессиональному военному языку, где

под неприятелем, конечно, имелся в виду золотой песок. Вскоре Поджио довел численность рабочих на прииске до 120 человек и собирался еще нанимать знающих людей на разведку золота в верховьях Ангары и на Витиме. Постоянно жаловался своим корреспондентам на недостаток средств и приисковых товаров, в том числе пороха, чтобы взрывать скальные породы.

В мае 1857 г. на прииске Элихта была пущена в ход паровая машина, которую перед этим окропил святою водой священник отец Гавриил. А.В. Поджио удалось сделать это на 40 дней раньше, чем это было в предыдущем году, и на треть увеличить число рабочих и лошадей, доведя первых до 153, а вторых – до 51. Заготовленных запасов хватило для пропитания всех нанятых, поэтому беглых не было. Но, как выразился хозяин прииска, «дело, конечно, в разгаре, но не в успехе. Не хотелось бы выехать без пуда, но, может быть, придется отправиться и с фунтиком, так все шатко...» [3. С. 197]. Имелся в виду, конечно, пуд золотого песка (шлихового золота), но вполне возможна была и неудача, когда добыча могла составить 1/40 часть пуда – фунт (409,5 г). В следующих письмах Н.Д. Свербееву Поджио сообщает, что дело на Элихте приняло хороший оборот, был открыт пласт, где его и не ожидали. К 17 июля был добыт один пуд, «и есть надежда на хорошее дело...» «Все брошу, а Элихту не брошу!» – пылко восклицал Поджио, который все-таки был итальянцем, и добавлял: «Известий о дальних поисках еще нет – пять партий, разбросанных по верховьям Ангары и Витима, не подали еще голоса. Не довольствуясь этим, на днях отправил партию на Енисей!! Вот вам темный очерк действий, которым не предвижу и конца» [3. С. 199].

Однако вскоре тон писем А.В. Поджио изменился, и он с горечью сообщает С.Г. Волконскому: «Элихта не оправдала ожиданий – я напал на перевал, пласт направился в сторону, и, кажется, на будущий год надо будет сразиться с руслом, где золото и залегло. Не имею вестей еще об исходе наших экспедиций, правда, весьма дальних» [3. С. 201]. Отсутствие точного и строгого расчета, надежда на удачу и военный маневр – не лучшее средство в бизнесе, в том числе и в добыче золота. Такой крупный прииск, как Элихта, окупался в Восточной Сибири при добыче не менее 1 пуда шлихового золота, а давал прибыль при 2–3 и более пудах добычи. В этом плане купцы были более расчетливы и предприимчивы, обладали большими капиталами и скупались на расходы по содержанию рабочих, что давало им конкурент-

ные преимущества. Через 8 лет, в 1866 г., в письме из Женева к сыну иркутского купца Н.А. Белоголовому Поджио писал: «Помните вы Кургу возле Елихты, которую я разведывал и бросил за недостатком денег! Вы ее не взяли. А теперь добыто на ней 3 ½ пуда золота!! Хозяин Базилевский здесь и подтвердил это сам! Вот, батюшка, как дело-то делается!» [3. С. 303–304].

И в самом деле, в письме к своему патрону и старшему товарищу С.П. Трубецкому от 17 января 1857 г. А.В. Поджио сообщает о крупных суммах, которые он выдавал отъезжающим в Европейскую Россию декабристам, а также о разведке на этой самой Курге: «Я вам говорил, что сильная поисковая партия из 40 человек отправлена с 15 февраля и что та же партия должна 30 дней провести на Курге. Рассчитывая эту издержку, не избавляющую нас от платежа 1000 руб. в казну, я уже почти решил добавить туда 20 человек с 1-го мая и по 1-е августа промыть 160000 пудов и выручить 8 фунтов золота для покрытия всего и для лучшей разведки местности. Канава в 200 саженой будет в этом счету, амбар и пекарня. Все припасы сейчас же свезу... Люди на подбор, и отбою нет от хозяев, а не от бродяг! Так заманчивы и содержание, и заработки! Дай бог, чтобы на ваших европейских работах было так мало смертности и так мало изнурения на лицах при выходе! Управляющего, кажется, не возьму. 1000 рублей в кармане и будет больше золота, ручаюсь» [3. С. 178].

В дальнейшем почти деловая переписка между Трубецким и Поджио продолжалась довольно напряженно. В письме из Элихты 23 июля 1858 г. А.В. Поджио пишет: «Относительно дела, вы меня забросали вопросами, а еще более сомнениями, чтобы я не гонялся не только за двумя, но и за многими зайцами. Цель моя была, за исключением Элихты, напротив, найти одного русака, увязаться за ним одним и бросить все прочее. Вот чем объясняются мои поиски по всем системам, и один Итыпкон показался для меня важным – но и тут я воздержался от дела, а пустил Белоголового разведать 2 смежные с ним площади; и если бы разведка его оказалась благонадежна, в таком разе только я и пушусь в то же дело. О сию пору ничего не слыхать, а потому напрасно вы испугались предстоящих требований капитала. Я думаю, судьба вас и меня от этого избавит. Кургу бросаю, не хочу затевать ничтожного дела, Элихта изменила! Мою 16-й фунт после двух разведок, обещавших пуд по 1-е июля. Все мои неудачи при таких трудах меня охладил к делу... Золото нам не в руку, и господь того не хочет!» [3. С. 216].

В дальнейшем Поджио не раз повторял свою историю. В письме от 5 сентября 1858 г. он писал: «Мы, слава богу, после 5 ½ месяцев на прииске выехали здоровыми, но в конец расстроенными делами. Все усилия поправить ошибочную разведку были тщетными – поздно было взяться за новую, и я должен был отступить и вывезти только 23 фунта золота. Я ударился было к горе: вода, и я остановился на шурфе, который был не со знаками, с золотом». Требовалась дальнейшая разведка, но средств на это уже не было, так как именно с 1858 г. средства от компаньонов перестали поступать, и в 1860 г. компания официально прекратила свое существование. Материалы о ее деятельности отложились сначала в местных архивах, но хранятся ныне в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Когда появится возможность, то автор статьи их обязательно просмотрит, но каких-либо принципиальные открытия в этой области сделать вряд ли удастся.

Тем не менее нанесенная самолюбию А.В. Поджио рана еще долго давала о себе знать. В письмах к своим компаньонам он нередко упоминал счастливые случаи, когда неожиданное, на его взгляд, везение давало замечательные результаты. Это и упомянутый уже крупнейший сибирский золотопромышленник И.Ф. Базилевский, ставший в Сибири сначала крупным откупщиком, владельцем миллионных капиталов, на основе которых можно было приступать к разведке и добыче золота. Это и Егор Жмаев, бывший уральский заводской человек, первооткрыватель золотых россыпей Северной системы Енисейского округа, имевший высокую квалификацию золотоискателя, приобретенную еще на Урале. Другой удачливый золотопромышленник и откупщик Д.Е. Бенардаки за бесценок приобрел прииски компании А.В. Поджио, и некоторое время он там поработал управляющим. Все собранные средства перед отъездом на родину были не так уж и малы – около 5 тыс. руб., и первое время его семья жили на проценты с этого капитала.

Удача улыбнулась и другому золотопромышленнику – Григорию Пермикину, который, кроме жажды найти золото, имел еще и специальное геологическое образование. «Сколько он бился, сколько вынес и, наконец, добился – открытие в 7 золотников вознаградит беднягу за все», – отмечает не без зависти А.В. Поджио [3. С. 223]. Остается пояснить, что золотник – это 96-я часть фунта и

равнялся 4,266 г. Такая мера веса использовалась при взвешивании драгоценных металлов, спечей и других ценных товаров. В данном случае имеется в виду, что при промывке 100 пудов золотоносной породы (1638 кг) получали около 30 г шлихового золота. Это очень богатое содержание золота в песке. Для промышленной добычи золота было достаточно одного золотника в 100 пуд. породы. И уж совершенно фантастическим фактом для сибирских золотопромышленников стало открытие их коллегой Кандинским месторождения с 17 золотниками золота (72,5 г) на 100 пуд. песка. Однако такое богатство давалось промышленникам не сразу. Необходимы были терпение и квалификация, достаточные для разведки и добычи капиталы, наконец, просто удачливость в поисках. Некоторые выигрывали в эту лотерею, но подавляющее большинство золотоискателей проигрывало и разорялось. Одним из них стал Александр Викторович Поджио, имевший необходимые для революционера-декабриста качества («души прекрасные порывы»), но не имевший таланта предпринимателя. В заключение приведем слова одного из учеников Поджио – врача и общественного деятеля Н.А. Белоголового: «Под этой красивой внешностью скрывался человек редких достоинств и редкой души. Тяжелая ссылка и испорченная жизнь только закалили в нем рыцарское благородство, искренность и прямоту в отношениях, горячность в дружбе и тому подобные прекрасные свойства, но при этом страдания, перенесенные им, придали ему редкую мягкость, незлобие и терпимость к людям, которые до конца его жизни действовали обаятельно на всех, с кем ему приходилось сталкиваться» [1. С. 251]. В самом деле, может быть высокие моральные качества, административные ограничения и недостаток капиталов не позволили декабристам, в том числе и Поджио, стать крупными сибирскими предпринимателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Декабристы*. Биографический справочник / изд. подг. С.В. Мироненко; под ред. акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. 448 с.
2. *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи. 3-е изд. М., 1898. XXXII, 654 с.
3. *Поджио А.В.* Записки, письма / изд. подг. Н.П. Матхановой; отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 592 с.